

«МИСТИЧЕСКИ-СИМВОЛИЧЕСКИ-МИФОЛОГИЧЕСКИЙ» МИР ДОСОКРАТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ТВОРЧЕСТВЕ А.Ф. ЛОСЕВА

Статья акцентирует внимание на проблеме Единого досократической философии в творчестве А.Ф. Лосева. Обосновывается позиция о единстве взглядов Лосева на проблему, а также освещается его трактовка Первоначала в натурфилософской мысли Античности.

Ключевые слова: Единое; философия; мистически-символический материализм; досократики; Лосев.

*О, день, взойди! Атомы танцуют...
Благодаря Ему вся вселенная танцует.
Души танцуют, переполненные экстазом.
Я шепну тебе на ухо, куда ведет их танец.
Все атомы в воздухе и пустыне хорошо знают –
они кажутся безумцами.
Каждый малейший атом, счастливый или несчастный,
становится возлюбленным солнца.
О нем ничто не может быть сказано.
Джалаладдин Руми*

В истории философской мысли существует много тем, которые, начинаясь на заре ее формирования, проходят через все времена, через творчество мыслителей разных направлений, исканий. Основным объектом поиска всех мыслителей, бесспорно, остается тема Начала, Абсолюта, Бога. Русская философия в этом отношении является особым феноменом поиска Первоначала, поиска возможностей познания Бога и божественных истин. Известный русский мыслитель XX в. А.Ф. Лосев является одним из неординарных исследователей данной проблемы, занимаясь ею в противовес установившейся идеологии и укореняясь при этом в том, что являлось традиционным в нашей культуре, а именно в богоискательстве. И хотя слова этого мы не встретим в его текстах, открытое сердце и свободный, чистый ум понимает это всем своим существом. Этот поиск начинается у Лосева на уровне глубочайшего исследования первых античных философов (досократиков), открывших целую эпоху, которые еще не вырвались из полного погружения в миф, но уже устремляли свои искания навстречу истине.

В работе «Очерки античного символизма и мифологии» [1] А. Лосев отмечает, что современные мыслители, обесиленные множеством предрассудков времени и истории, разучились понимать истинный смысл и подлинную глубину античного мышления. В основном искания и догадки философов древности исследуются на основе рационализма. Поэтому нет единого мнения, чем же была философия досократиков – чистой логикой, зарождением скепсиса или же иррациональной интуитивной мыслью, тянувшейся «к объективному», макрокосмической тайне, которая так или иначе привела мир не к науке, но к религии.

Что же представляет гений античного мышления? Собрание логических прозрений, с которых началась наука или... «откровение», несмелое, неоформленное и еще не осознанное? Именно эти вопросы снова и снова заставляют исследователей тянуться к текстам

досократиков, чтобы постичь это основание философской культуры, укорениться мыслью туда, где абстрактное стремится к конкретному, а не наоборот.

Ранний Лосев смело отбрасывает все рациональные основы трактовок досократиков, в трудах позднего Лосева, как замечает лингвист Л. Гоготишвили, смысл «остался прежним, зато изменилась ученая терминология – она соответствовала уровню международной науки, а не только советской» [2. С. 922–942]. Основанием же советской науки был диалектический материализм. Но диалектика эта не была диалектикой античных мыслителей: она трактовалась в материалистическом духе и опиралась на Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина (что касается Сталина, то только до 1956 г.).

Лосев посвящает диалектике не одну работу: это «Страсть к диалектике», «Диалектика художественной формы», «Диалектика мифа». Поэтому иногда исследователи называют поздний период его творчества «марксистским», но это не соответствует действительности. Лосев не марксист и не материалист. На это обращает внимание Р. Рахитов в статье «Лосев и Марксизм»: «Если отвлечься от вульгарных его [марксизма] интерпретаций, Лосев не против своей воли обращался к марксизму, но лишь как к методу, диалектике» [3]. Под диалектикой мыслитель понимал развитие как переход в свою противоположность, как движение через противоречие к последующему синтезу. Так же как и чистый марксизм, Лосев признает существование и идеального, и материального миров. Но он не принимает диалектический материализм и выступает против противоположности материального и идеального. «Лампа входит в материальный мир, но она не есть материя. А мои ботинки? Они материальны, но не есть сама материя. А что такое материя? Все знают, а определить не могут. Разве что вот только идеалисты знают, что такое материя, точнее. У материалистов материя – это нечто волшебное. Идеалисты понимают ее более позитивно. Так что все

эти понятия, Бог, душа, мир, прекрасно известны до всякого определения» [4. С. 134].

Современному мыслителю и читателю, нам, жителям XXI в., очень сложно, отбросив все философские, социологические, исторические и психологические преграды, фильтры из понятий и терминов, которые мы используем для описания и понимания многих явлений, войти в духовный горизонт философии древнего мира, увидеть его цельным, а не раздробленным на мелкие части направлений мысли. «Раз и навсегда необходимо порвать с “научностью” таких систем, как ионийская» [1. С. 105], – говорит Лосев. Одну из таких попыток он и предпринял. Сегодня у нас есть возможность пройти дорогой мысли глубочайшего исследования античной досократической философии удивительного русского философа, в работах которого прослеживаются полнота и систематичность изложения материала.

Досократики для Лосева, безусловно, те самые фигуры древности, которые, преодолевая устоявшуюся мифологию, увидели отблески Софии. Фридрих Ницше, изучая Античность, по сравнению с классической античной мыслью, отдавал приоритет досократикам. По его мнению, «с Платона начинается нечто совсем новое; или, как можно было бы сказать с тем же правом, с Платона недостает философам чего-то существенного, в сравнении с тем, чем была республика гениев от Фалеса до Сократа» [5. С. 192–253]. Тем самым Ницше обращается к досократикам не как к первым ученым, но как к мудрецам.

Главной отправной точкой философствования досократиков является некий первопринцип, или перво-вещество, лежащее в основе бытия. Именно через этот принцип А.Ф. Лосев проводит знакомство с философией Античности; Единое Лосева – это столп, на который «нанизана» вся мысль древнегреческого и не только древнегреческого мира. Как сказал Доброхотов в статье «Генология: версия Лосева» [6], А. Лосева можно читать по диагонали и всегда видеть именно этот отправной пункт – Единое. Безусловно, Доброхотов указывает на то, что принадлежность Лосева к Единому не случайна – философия всеединства пронизывает всю нашу русскую духовную философию, выражаясь в своем пределе у Вл. Соловьева. Незаурядный мыслитель очень почитал Вл. Соловьева, а также Ф. Достоевского, С. Франка, П. Флоренского. Последнего Лосев знал лично (Флоренский венчал Лосева с его первой супругой). Генология Лосева, безусловно, отлична от философии своих предшественников. Это связано как с особенностями его личной жизни (цензура), так и с особенностями философствования (научность подхода, включение в философию современных достижений мысли). Столь четкое и подробное исследование проблемы Единого в историко-философском контексте встречается в русской философии только у Лосева. Рассмотрение им проблемы Единого в античной философии является первым шагом к имяславии. Кроме того, Единое для Лосева было единственной и главной «отдушиной», в которую он спрятал свое истинное отношение к истории философии.

Согласно бытующему мнению, Единое было впервые серьезно разработано Платоном, активно рас-

сматривалось у неоплатоников, но Лосев находит зачатки учения о Едином уже у предшественников Платона. И если Единое Платона – это уже логико-онтологическая категория, то Единое досократиков – это пока что способ объединения разрозненного множества воедино, в поиске «идеального» в истории философии. Этим поиском в очередной раз будто бы проявляется манифест Лосева, кричащего «Да, я идеалист!» перед пораженной толпой профессоров [7].

Отметим, что многим исследователям мысль Лосева кажется противоречивой, этому вопросу посвящено немало измышлений, но она отличается необычайной цельностью, детальным анализом. Мы должны помнить, что основная идеологическая позиция мыслителя, прежде всего, православная. Лосев, будучи платоником (убежденным идеалистом) и православным христианином, тайным монахом, приверженцем исихазма, во времена советской власти был вынужден писать книги так, как «было угодно» для того, чтобы их печатали. Он волшебным образом сочетает в себе монашество и науку, науку в прямом смысле этого слова, точную и выверенную, насколько это возможно в философии. По свидетельствам А.А. Тахо-Годи, Лосев был единым всегда, даже несмотря на то, что слово «Бог» пришлось заменять Абсолютом, а слово «материя» – на «античный материализм»; «за терминологией у Лосева нужно выискивать истинный смысл» [8].

Проблема Единого является сквозной во многих работах философа. Она исчерпывающе представлена в сочинении Лосева «Очерки античного символизма и мифологии», но чтобы создать целостную картину лосевского анализа проблемы Единого, необходимо изучение и других его работ, таких как, например, «История античной эстетики». Трактровка Единого обретает у Лосева в этом произведении немного иную окраску. Относительного этого Л.А. Гоготишвили в статье «Платонизм в зеркале XX века, или Вниз по лестнице, ведущей вверх» отмечает: «...эта книга во многом ключевая: после “Очерков...” поздний Лосев, несомненно, будет читаться иначе. Хорошо знакомые по поздним лосевским работам темы предстают здесь в новой для читателя тональности и в новом смысловом контексте...» «Позиция эта... основана прежде всего на религиозных взглядах Лосева. Богословие и есть тот новый смысловой контекст, в который обрамлены здесь все привычные лосевские темы» [2. С. 922].

Уже в 1929 г. А. Лосев напишет о первовлаге Фалеса: «...учение о божестве как имманентной сущности всякого становления. Это тождество Бога, Мира, Разума и Души и есть то исходное мифологическое символическое Понятие, из которого диалектически будет выводиться эллинская философия всю философскую картину мироздания» [1. С. 107]. Подобная позиция уже высказывалась Ницше в его труде «Философия в трагическую эпоху», где он так же склонен полагать, что «откровение» первоединства пришло к досократикам посредством философской интуиции. Они выразили ее, как умели: стихотворно и ограниченным языком. Но через некоторое время Лосев подвергнется травле и попадет на каторгу, откуда будут

идти длинные мучительные письма супруге о невыносимости бытия и желании высказаться. Именно здесь он начал в голове составлять свои труды, которые увидят свет позже, и, пожалуй, совсем не в том виде, в каком он их написал бы, не будь этой каторги и политического режима. «История античной эстетики» уже потеряла экспрессию языка, информация стала суше и точнее, тот свободный полет мысли ушел и заменился языком научного изложения. И все это, безусловно, только маска, и масса филологов обрастают к его трудам как к загадкам, между строчек которых скрывается совсем неочевидный на первый взгляд смысл.

Так, досократическое Единое, по Лосеву, обладает материальной структурой, сливается с бытием, отражается в одной из стихий (огонь, вода, земля, воздух) или одной из материально оформленных сущностей (атом, число), носит характер абстракции, обладает собственным «умом», никоим образом не абсолютизируется в личность, хотя мыслится как некий Бог. Сама мысль досократиков не есть ни наука, ни религия, но интуитивное движение к их оформлению, своего рода пантеистическая трактовка бытия. Первое, что стоит заметить, – это уход от антропоморфизма. Никто из досократиков не примет бытующей идеи о богах, их будет интересовать чистая абстракция, пусть и выраженная в материальной форме. Это еще не осознанный шаг к православию, шаг, который стал так важен духовной русской философии спустя века, когда на весь этот историко-философский путь можно взглянуть как на целое, монолитное движение к рождению новой веры.

Единое досократиков – это материя, вещество, элемент, который есть основа всякого космического организма. Рассматривая этот аспект, Алексей Федорович указывает, что подобно тому, как капля, упавшая в море, уже несет в себе отпечаток этого моря, при этом оставаясь водой, Единое содержится во многом. Данное утверждение несет в себе идею не только того, что Единое самотождественно и есть «все во всем», но также и принцип движения и постоянного преобразования космических элементов, очень важный для натурфилософской мысли.

Лосев неоднократно подчеркивает уникальность воззрений досократиков и необходимость учитывать специфику тогдашнего состояния мысли; ведь несмотря на бытующую критику мифа, это все еще мифологическое сознание. На небе по-прежнему есть боги, и они совсем не отрицаются философами, как бы сильно не старалась философия Нового времени вычленив из онтологии божественный аспект, объективно этого сделать невозможно. Казалось бы, работая с абстрактными для нашего ума понятиями, они очень точно вырисовывали картину мира с помощью точек и бесконечных прямых или шара, самосуществующего, неизменного в своем бесконечном внутреннем движении, подверженного великой трагедии умаления, угасания и проявления космоса; такого, в котором все точки пространства одинаково несут в себе его субстанцию.

Досократики, указывает Лосев, транслируют свою идею Единого через множество аспектов (борьба про-

тивоположностей, движение и становление, структуру, связи и т.д.). Если историки философии нередко предпочитают описательный характер изложения мысли, то Лосев очень скрупулезно выделяет признаки суждения объекта. Так, его трактовка Единого досократиков обретает массу характеристик, а основными ключевыми понятиями становятся «числовая структура» (математика) как творческая созидаящая многое из Единого сила, «чувственно-материальный космос», как совокупность всего многого, всех ограниченных тел, «все во всем», как идея всеединства. И далее, как следствие, континуум элементов, множественность и целое, диалектичность множества и т.д.

Мыслитель-досократик еще не мог оторваться от чувственного восприятия, поэтому визуализировал все в вещество. Именно так вода или огонь стали первовеществом, и именно поэтому Лосев говорит об их онтологии как о мистической и символической. К примеру, зеленый цвет Демокрита – это трава, при этом все тот же зеленый остается и у молодой и у пожухлой травы. Так, трава есть лишь только образ, форма качества. При несформированном философском языке и понятийном аппарате такого рода трактовка есть символическое описание качеств, когда материя есть безусловный принцип скульптурной завершенности, что неоднократно подчеркивает Лосев. «Так это же тогда тело! Оно доходит до особой плотности – и становится идеей. Два нуля-вых полюса материи» [4. С. 55].

Отбросив всякую эмпирику, мыслитель-досократик погрузился в созерцание божественного первовещества и полностью доверился его «вещаниям». Вот что Лосев говорит сам: «...мы вправе назвать этот метод мышления по содержанию символическим, т.е. указующим на сокровенную Тайну, которая, однако, пронизывает все явное, и по форме, в своем принципе, – диалектическим, т.е. основанным на пристальном, я бы сказал, страстном всматривании в жизнь понятия и созерцании понятий, правда, перестающих уже быть субъективной формой мысли, но являющих уже некое онтологическое устройство самого Первобытия» [1. С. 109].

Рассмотрение Единого в досократической философии можно считать ступенью к оформлению неформленного «божества». Эмпедокл даже указывает на это, «лишняя» божество в своих трактатах рук, ног и прочих человеческих атрибутов, «дух святой и несказанный, обегаящий быстрыми мыслями все мироздание» [9. С. 398]. Лосев указывает на то, что досократическое Единое – это некая первоматерия, которая не является Богом и не имеет имени как такового, однако оно выше Богов, хотя и не является с ними одной и той же субстанцией – лишь проявляет себя через них. Проявление это всегда движимое и непрерывное. Досократическая мысль о Едином – всеобъемлющая философия, она, являясь материальной, отнюдь не сводилась к современной научной материалистической трактовке, когда есть лишь субъект познания и познаваемая им материя. Сам Лосев предпочитает называть эту античную материю «изолированным телом», а саму мысль о ней – «искусством изолированного тела».

Как говорит Доброхотов, это «точка совпадения мышления и бытия» [10. С. 6]; она допускает не только некое неоформленное божество, первопринцип (Логос), но еще и, будучи языческой, богов, которые живут у милетцев на небе, у Гераклита – в огне, у атомистов – в скоплении совершенных атомов и т.д. Это особенный тип созерцания и объяснения мира, когда степень абстракции и точности находятся в такой пропорции, что любое качество предмета обретает материальное значение, но без примата материализма – только в качестве описания символа, признака предмета.

Вечное возвращение космоса, вечное его создание из Хаоса Враждой и вечное умаление, возвращение в Любовь, порождаемость многого Единым и Единое многим – вот основной закон античного бытия. Здесь проблема Единого еще не соотносится ни с религией, ни с каким-либо верованием, а является естественной попыткой пытливого ума объяснить мир и его тайны. Все, что остается от античного материализма, – это эмпирика, созерцание, мысль; описание того мира, который видим, но описание абстрактное; это мысль, направленная на Тайну, – все это раскрывается в «Очерках античного символизма и мифологии». Позднее А. Лосев уходит от словесной критики материализма, говоря о материи как основе первовещества, «другом материализме», «античном материализме», делая указания на его кардинальное отличие от классического понимания. Подобную ошибку совершали позитивисты и ряд советских философов, и до сих пор совершают некоторые исследователи, приравнивающие атомы Демокрита к атомам современных физиков. Так или иначе нам огонь Гераклита никогда не представится таким, каким он был для него. Мир возник от недостатка, от умаления Огня: «Когда же мир гибнет в мировом пожаре, то первоогонь насыщается, восстанавливается и возвращается к своей полной и бесконечной силе. Это величественно и красиво. И это – мировая трагедия», – цитирует Медоваров Гераклита [11. С. 52–63].

Процесс оформления Единого, по Лосеву, есть процесс объединения всего под одним началом, путь к всеединству. В «Очерках...» читаем: «...идея, мистически-символически кроющаяся в вышеназванном открытии Фалеса, – это идея единства всего, идея всеединства» [1. С. 105]. Так, из разрозненной картины ионийцев с «примитивным» первовеществом Фалеса или Анаксимандра постепенно начинают проступать черты Логоса, мирового разума, который и есть принцип, все объединяющий. Огонь Гераклита, ведомый Словом, Судьбой, разрывает Единое на части и рождает многообразие мира, бесконечно борющиеся противоположности, разрешающиеся в вечную гармонию космоса. Натурфилософия, по Лосеву, еще далека от платоновского мира идей, но зачатки его уже витают где-то в воздухе. Особенно это подчеркивается Лосевым в отношении к демокритовскому атому. Лосев указывает, что атом Демокрита суть приближение к эйдосу Платона, носящий более буквальный и материальный характер, и что Платон

в этом вопросе оглядывался на Демокрита. «Платон более объективен, а Демокрит – идеалист» [4. С. 94]. С подобной концепцией активно спорит Макавельский, утверждая, что такое сближение атома и «идеи» делает Демокрита идеалистом и это, по его мнению, не могло являться правдой. Для Лосева же переход атома, этого предельного материального субстрата, к неделимости есть прямой шаг к зарождению идеализма и предпосылкам развития философской мысли Платона.

Подводя итоги, скажем, что философия досократиков оказалась как бы между двух берегов. Согласно одной точке зрения, вся античная философия сводилась к гармоничному переплетению (прямо-таки Гераклитовскому) материализма и идеализма, двух философских течений, которые действительно противоположны и борются друг с другом. Согласно другой точке зрения, материализма как такового и не было. Была лишь буквальная чувственная философия, которая свои абстрактные мистические прозрения мысли обращала в материю, не абсолютизируя последнюю, оставляя нематериальный предел в виде Логоса.

Натурфилософия досократиков интересует Лосева как предтеча платоновской мысли и последующего развития генологии, которая расцвела в неоплатонизме и в средневековой христианской философии. Космос досократиков есть «живой организм», принцип восприятия – чистый гилозоизм. Философия природы досократиков – это игра с бытием и небытием, пустота или заполненное движение охватывается первовеществом, но движущая сила – не материальная, а лишь воплощенная в материи. И именно этот факт, на наш взгляд, дал толчок для дальнейшего развития идеализма. Произошел ступенчатый переход пантеизма в более высокую сферу осознания проблемы Единства, когда не Зевс правит землей, а Зевс тоже лишь стихия, управляемая Логосом, обреченная на угасание и возрождение.

Античность мало того, что не была материалистичной и научной, была сплошь религиозной. Бесконечные мистерии, обряды инициации, культы, секты и общества наполняли духовную жизнь древнегреческих городов. Именно на базе этих эзотерических общностей строилась философия как новая мысль, противостоящая отживающему себя «мертвому» мифологическому сознанию. Не стоит говорить и о том, как много точек соприкосновения онтологии Античности и философий даже восточных религий находят исследователи. И А.Ф. Лосев, как превосходный историк философии и знаток в области Античности, прекрасно это понимал. Религиозность античных мыслителей для Лосева – факт неоспоримый. И в целом античная философия для русских мыслителей была корнем древа, крона которого расцвела православием.

Философия досократиков роднит нас скорее с мифом, нежели с четкой системой современного материального мира и предтечей атеистических предпосылок. Однако это уже не прежняя языческая мифология. Боги досократиков, подчиненные всеобщему принципу и закону бытия, Слову, Логосу, Судьбе, становятся лишь воплощением того

или иного качества (любви, дружбы, борьбы, тщеславия и т.д.). Именно эту Судьбу, Слово так аккуратно укрывал Лосев в своих работах и так верно был предан ей всю свою жизнь. Философский подход отечественного мыслителя специфичен ввиду своей структурной точности и научности. Всеединство Лосева – это особое всеединство, но продолжающее традиции русской православной

философии, предтечами которой были еще славянофилы. Прежде всего, Алексей Федорович Лосев учит нас стремлению к осмысленному знанию, знанию, не противоречащему вере, но единому с ней. А это, прежде всего, тот тип исторического мышления, который выходил на уровень понимания и той философии, которую мы называем досократической.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М. : Мысль, 1993. 960 с.
2. Гоготшвили Л.А. Платонизм в Зазеркалье XX века, или Вниз по лестнице, ведущей вверх // Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М. : Мысль, 1993.
3. Вахитов Р.Р. Лосев и марксизм. URL: <http://www.nevmenandr.net/vaxitov/losevmarx.php>
4. Биbihин В.В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 416 с.
5. Ницше Ф. Философия в трагическую эпоху // Философия в трагическую эпоху Греции. М., 1994.
6. Доброхотов А.Л. Избранное. М. : Территория будущего, 2008. 471 с.
7. Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Советское философское сообщество в сороковые годы: почему был запрещен третий том «Истории философии» // Вестник Российской академии наук. 1993. Т. 63, № 7.
8. Судьба и Вера. Беседы с учеными, священниками, творческой интеллигенцией. Часть II. Неизвестный Лосев. А.А. Тахо-Годи: «Впервые о Лосеве как о православном человеке я сказала на девятый день после его смерти». URL: <http://lib.eparhiasaratov.ru/books/noauthor/faith/19.html>
9. Лосев А.Ф. История античной эстетики : в 9 т. Т. 1. Ранняя классика. М. : Высш. шк., 1969. 584 с.
10. Доброхотов А.Л. Категория бытия в классической западноевропейской философии. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1986. 248 с.
11. Медоваров М.В. Философия Гераклита в восприятии русских философов XX века (П.А. Флоренский, В.Ф. Эрн, А.Ф. Лосев) / Деконструкция: материалы семинара по проблемам современной философии и социологии. М. : МГУ, 2011. Вып. 1.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 24 апреля 2014 г.

THE "MYSTICAL, SYMBOLICAL AND MYTHOLOGICAL" WORLD OF PRE-SOCRATIC PHILOSOPHY IN THE WORKS OF ALEXEY LOSEV

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 60-65.

Saparbaeva Irina V., Terekhova Greta L. Tambov State Technical University (Tambov, Russian Federation). E-mail: annvarni@yandex.ru; radagl1960@yandex.ru

Keywords: The One; philosophy; mystical and symbolic materialism; pre-Socratics; Losev.

Alexey F. Losev is one of the greatest representatives of Russian philosophy in the 20th century. His philosophy of all-unity has acquired a truly unique form, which is due not only to external factors, such as the political regime and strict spiritual philosophy censorship, but also to the personality of Losev himself, as well as to the peculiarities of his thinking. Losev's contribution to philosophy is enormous and still has not been estimated completely. The guiding force in Losev's philosophy is Orthodoxy, that is why the main subject in many of his works is the problem of The One, or God. In socialist Russia it was not allowed to say "God" aloud. However, it is this maximum category, The One, the "divine intellect", penetrating and binding together all the disjointed essence of space, that really expressed the philosopher's religiousness; that is why his works are full of implications, and Losev himself becomes a matter of dispute and the object of prejudice among materialists. Since he was a historian of ancient philosophy, Losev finds first traces of The One in pre-Socratic philosophy. After analyzing the problem thoroughly, Losev emphasizes how unique were the ancient sages' beliefs and refers to pre-Socratic The One as having mythological, mystical and symbolic qualities. According to Losev, pre-Socratic The One is a perfect material form, a cosmic body, sole and indivisible, at the same time consisting of many parts, controlled and combined in a perfect unity by the power of Logos, or the divine intellect. The fact that pre-Socratics regarded substance as a category which expresses The One ultimately is explained by Losev as a result of the peculiarity of thought and conscience typical for people of that time. The immature language of scientific abstractions, seeing the world as a sole living organism, aesthetics of a completed body and sculpturness of space become a basis for constructing ontological guesses and insights about the world's structure. Nature-philosophic The One finds an earthly, sensual and material form, but Losev warns against confusion and says that ancient materialism differs from the materialism of the Early modern period, because it is religious and mystical. According to Losev, pre-Socratic philosophy is only the first step to the development of a stronger and more coherent philosophy, i.e. Platonism and neo-Platonism, on which Losev focused primary attention and which he regarded as a philosophical base for Russian Orthodox culture. And the prima materia, or The One, by Losev is a "mystical" symbol for the birth of the divine all-unity revelation of the living and breathing space-body.

REFERENCES

1. Losev A.F. *Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii* [Essays on Ancient Symbolism and Mythology]. Moscow: Mysl' Publ., 1993. 960 p.
2. Gogotishvili L.A. *Platonizm v Zazerkal'e XX veka, ili Vniz po lestnitse, vedushchey vverkh* [Platonism in Wonderland of the 20th century, or Down the stairs leading up]. In: Losev A.F. *Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii* [Essays on Ancient Symbolism and Mythology]. Moscow: Mysl' Publ., 1993.
3. Vakhitov R.R. *Losev i marksizm* [Losev and Marxism]. Available from: <http://www.nevmenandr.net/vaxitov/losevmarx.php>.

4. Bibikhin V.V. *Aleksey Fedorovich Losev. Sergey Sergeevich Averintsev*. Moscow: Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas Publ., 2006. 416 p. (In Russian).
5. Nietzsche F. *Filosofiya v tragicheskuyu epokhu* [Philosophy in the tragic era]. Moscow: Refl-buk Publ., 1994.
6. Dobrokhotov A.L. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: Territoriya budushchego Publ., 2008. 471 p.
7. Batygin G.S., Devyatko I.F. Sovetskoe filosofskoe soobshchestvo v sorokovye gody: pochemu byl zapreshchen tretiy tom "Istorii filosofii" [Soviet philosophical community in the forties: why the third volume of the "History of Philosophy" was banned]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 1993, vol. 63, no. 7.
8. Fate and Faith. Conversations with scientists, priests, intellectuals. Part II. Unknown Losev. A.A. Takho-Godi: "For the first time I spoke about Losev as an Orthodox man on the ninth day after his death." Available from: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/noauthor/faith/19.html>. (In Russian).
9. Losev A.F. *Istoriya antichnoy estetiki: v 9 t.* [History of ancient aesthetics: in 9 vols.]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1969. Vol. 1, 584 p.
10. Dobrokhotov A.L. *Kategoriya bytiya v klassicheskoy zapadnoevropeyskoy filosofii* [The category of being in the classical Western philosophy]. Moscow: MSU Publ., 1986. 248 p.
11. Medovarov M.V. *Filosofiya Geraklita v vospriyatii russkikh filosofov XX veka (P.A. Florenskiy, V.F. Ern, A.F. Losev)* [The philosophy of Heraclitus in the perception of Russian philosophers of the 20th century (P.A. Florensky, V.F. Ern, A.F. Losev)]. In: *Dekonstruktivnaya: materialy seminarov po problemam sovremennoy filosofii i sotsiologii* [Deconstruction: proceedings of the seminar on modern philosophy and sociology]. Moscow: MSU Publ., 2011. Issue 1.

Received: 24 April 2014